

ЗНАНИЯ И ЦЕННОСТИ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ИЛИ ОРГАНИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО?

Автором произведен критический анализ редукционистской установки ценностного когнитивизма, определяющей все виды духовной активности субъекта как «познание» и причисляющей ценности к разряду знаний. Выявлены причины, механизм и последствия подобного отождествления. Дается обоснование сущностного и функционального различия знаний и ценностей. Ключевые слова: духовная активность субъекта, различия знаний и ценностей.

Одной из актуальных проблем исторической эпистемологии является проблема форм и функций ценностей в познании. Глубокое понимание природы и возможностей гуманитарного познания, его целей, задач, методологии и структуры предполагает осознание места и роли ценностей в нем. Исследуя эту проблему, неизбежно сталкиваешься с вопросом: принадлежат ли ценности к разряду «знаний» или это не сводимые друг к другу автономные феномены психической жизни человека? Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку отождествление или различение знаний и ценностей является центральным методологическим принципом построения гуманитарной теории, изначальным способом видения, конструирующим любую частную концепцию в области гуманитарного знания. Присутствие ценностей в «науках о культуре» настолько привычно и выглядит настолько гармоничным, что кажется явлением само собой разумеющимся. Благодаря тесному переплетению в гуманитарном дискурсе повествовательных высказываний об объекте с моральными или иными ценностными сентенциями возникает впечатление их естественной слитности и логичности. Это побуждает причислять ценности и оценочные высказывания к корпусу знаний. Однако с точки зрения стандартной, классической концепции познания такого рода «знания» считаются субъективными и недоказуемыми. Подобное слияние ценностей и знания является негативным явлением, искажающим представления о реальной действительности. Соответственно все гуманитарное знание ставится под сомнение. Учитывая, что ценности и пристрастия у всех разные, можно прийти к выводу, что каждый гуманитарий истолковывает изучаемые явления по-своему, что лишает получаемые выводы значения их всеобщности и необходимости. А это важней-

шие характеристики «чистого», т. е. объективного, знания. Поэтому еще со времен Р. Декарта и Ф. Бэкона на сферу гуманитарной мысли смотрели свысока, отказывая ей в научном статусе. Учения об обществе и культуре признавались «знанием», но знанием весьма своеобразным, ненаучным, зачастую замешанным на голлом морализаторстве. Сейчас стандартная концепция познания уже преодолена, хотя по инерции она еще продолжает существовать в массовом сознании. «Признание ценностей в знании как данности, задача постижения их разных форм и выяснение последствий этого стало признаком преодоления стандартной концепции знания, упрощенных форм фундаментализма (фундационализма), приближения к реальному положению дел в познавательной деятельности» [1, 6]. Такова характеристика современного состояния проблемы «когнитивное – ценностное», данная ведущим российским специалистом в этой области Л.А. Микешинной. Здесь мы видим, что хотя классический подход и признан несостоятельным, однако нам еще только предстоит понять место и роль ценностей в познании, чтобы на основе этого понимания корректировать научную практику. Данная проблема весьма многогранна, и одним из ее пунктов является наш вопрос: принадлежат ли ценности к разряду «знаний» и могут ли знания становиться ценностями, а ценности – знанием?

Одним из первых в отечественной философской литературе анализ этого вопроса осуществил Л.В. Максимов. Он подверг критике общую когнитивистскую парадигму гуманитарных дисциплин, показав, что она является одной из причин некорректного растворения ценностного в познавательном. Философ замечает, что «в области «наук о духе» изначально утвердился (и продолжает доминировать) од-

носторонний редукционистский подход, выражающийся в использовании когнитивных категорий и схем в качестве универсальных (и адекватных своему предмету) инструментов описания и объяснения «духовной жизни» – во всех ее бесчисленных проявлениях, включая некогнитивные феномены» [2, 166-167]. Названная здесь редукционистская установка определяет все виды духовной активности субъекта как «познание» и, соответственно, причисляет к «знаниям» все ее идеальные продукты. Мысль, выражаемая Л.В. Максимовым, дает ключ к дальнейшему анализу. В ней общее и очень емкое понятие «духовная жизнь» сопоставляется с понятием «познание» как более узким и меньшим по объему содержания. Второе здесь выступает лишь частным проявлением первого, а часть и целое никогда не равны и не тождественны друг другу. Для наглядной выразительности можно назвать некоторые имена «некогнитивных феноменов» духовной жизни: Любовь, Дружба, Сострадание, Мечта, Ностальгия, Желание, Радость, Тоска и т. д. К некогнитивным относятся и такие понятия, применяемые для выражения жизни духа, как хорошо и плохо, благородно и низко, и другие подобные эмоциональные оценки.

Напротив, к когнитивным категориям принято относить понятия: истина, заблуждение – они применяются как характеристики специфически познавательных проявлений психики, таких как ощущение, восприятие, представление (акты-компоненты чувственного познания), и понятия, суждения, умозаключения, представляющие логическое мышление на теоретическом уровне. К познавательным относятся и такие чувственно-ментальные феномены, как внимание, интерес, интуиция, инсайт, воображение, и многие другие проявления психики, задействованные в актах познания реальности, усилиями которых вырабатывается новое знание о мире. Приведенный набор понятий в этих рядах кажется тривиальным и интуитивно верным, однако необходимо артикулировать и обосновать критерии подобного разделения. Мы видим, что таким критерием не может быть принадлежность того или иного феномена к чувственному или, наоборот, к ментальному уровню психики. Ибо к сфере чувств относятся и страдание, и ощущение, равно как мечта и размышление – действия ума. Оценки типа «это –

хорошо» или «это – плохо», а также логические умозаключения опять же выносит ум. Не может быть искомым критерием и факт задействованности или отсутствия психического проявления в познавательной деятельности. Ибо сказать, к примеру, что желание не участвует в познании, – значит отрицать его активную роль, стимулирующую и направляющую, более того – вызывающую саму познавательную активность. Такое отрицание означало бы, что мы просто пассивно воспринимаем впечатления от окружающего мира и на этом основании отрешенно строим здание своего знания. Фактом является то, что и ценности, и желания, и эмоции, и прочие «некогнитивные феномены» задействованы в процессе познания. Большинство авторов сходится на том, что признаком знания выступает возможность быть охарактеризованным в категориях «истинно/ложно». Относительно предлагаемого критерия Л.А. Микешина пишет: «Главный аргумент, который выдвигается аналитиками против принятия «ценностей как знания», – это невозможность их определения с позиций критерия «истинно/ложно»» [1, 8]. Оценка – это сопоставление некоего фрагмента объективной действительности с априорной ценностной установкой субъекта на предмет соответствия объекта этой установке. Может ли подобное отношение соответствия быть истинным или ложным? Оно может быть полным или частичным, точным или приблизительным, может полностью отсутствовать, но охарактеризовать это соответствие как истинное или ложное нельзя. В познавательном отношении, в отличие от ценностного, первичен объект, и мысль человека должна соответствовать этому объекту. Назначения оценки и описания различны и противоположны. Сама интенция духа в них разнонаправлена. Цель оценки – привести объект к соответствию неизменной мысли о нем, так преобразовать действительность, чтобы она совпала с представлением о ней, о том, какой она должна быть в идеале. Цель описания – обратная: привести мысль об объекте к соответствию с ним. Здесь меняться должна сама мысль, само представление об объекте, стремясь как можно точнее отразить его свойства. Мысль, соответствующая объекту, является знанием о нем. Чем полнее это соответствие, тем истиннее считается знание, ибо истина – это соответствие мысли своему объекту.

Исходя из сказанного, можно заключить, что функции ценностных высказываний и описаний различны. Ценностные высказывания выполняют не репрезентативную, а исключительно экспрессивную функцию: они выражают эмоции говорящего по поводу рассматриваемой действительности. Тогда как описания нужны, чтобы представить некий объект в сознании. «Одно дело – репрезентировать предмет в представлениях и мыслях и другое – любить, желать и т. д. этот предмет. Конечно, любимый (или ненавидимый) предмет должен быть представлен в сознании, однако эта представленность является лишь условием заинтересованного отношения к предмету, а не самим этим «отношением» [2, 176], – так об этом пишет Л.В. Максимов. В этом замечании четко разделяются два вида субъект-объектных отношений: ценности и знания, и замечается различная связь обоих с репрезентацией. Развивая эту тему, можно добавить, что и оценки, и репрезентации вместе присутствуют и функционируют в процессе познания, но если репрезентация является самой сутью этого процесса, то оценка – лишь сопутствующий и детерминирующий познание фактор. Поэтому, как считает Л.В. Максимов, ошибочен когнитивный подход к психике, трактующий всякий психический феномен как особый вид или способ идеального воспроизведения объекта и предполагающий возможность его характеристики в категориях истинно/ложно.

Критерий демаркации ценностей и знаний «истинно/ложно» не вполне достаточен, т. к. подходит для определения не всех феноменов из области знания. Например, методологическое знание (т. е. знание о том, как сделать нечто, как добиться чего-либо) не оценивается категориями истинно/ложно. Мы согласны с точкой зрения Л.А. Микешиной, что оно оценивается «как правильное (соответствующее правилам, нормам, введенным по конвенции), эффективное, регулятивное либо неконструктивное, неправильное и т. п.» [1, 8-9]. Не существует «единственно правильной» методологии, ибо она всегда связана с выбираемой исследовательской программой и должна соответствовать ее целям, условиям и ценностным установкам исследователя. Знание способа деятельности – это знание не действительности, а возможности, оно в принципе не призвано представить какой-либо

объект в сознании и поэтому оно не характеризуется понятиями истина/ложь. Еще один вид знания, к которому не применим данный критерий, – это научная проблема, вопрос. «Знание о незнании» формулируется в виде высказывания в вопросительной форме. По отношению к нему применяются такие оценки, как осмысленно/бессмысленно, имеет основание/безосновательно и др. На основании этих исключений (метод и вопрос) можно заключить, что критерий демаркации ценностей и знаний «истинно/ложно» не является универсальным и вполне достаточным. Для выявления оснований их разграничения требуется провести сравнительный анализ их природы, функции в жизни человека, их сущности и ее формального внешнего выражения. Мы исходим из предположения, что ценности и знания – это различные феномены духовной жизни человека, и в своем исследовании пытаемся проследить то, каким образом происходит иногда их отождествление, причем чаще в виде редукции ценностного к когнитивному.

Нам представляется, что одна из причин причисления ценностей к знаниям кроется в формальном синтаксическом сходстве предложений, содержащих знание о чем-либо и выражающих ценность чего-либо. Существование ценностей и знаний не следует отождествлять с их артикуляцией, т. е. словесным выражением. О них вполне можно молчать, но это не будет означать их отсутствия. Можно молча ценить и втайне знать. Когда человек хочет выразить свое отношение к явлению, то он прибегает либо к соответствующему поведению, либо к ценностному высказыванию. Подобным образом, если требуется как-то зафиксировать некоторое знание или передать его другим людям, то это также осуществляется посредством высказывания. Когда мы сопоставляем и сравниваем между собой ценности и знания, запечатленные в текстах, мы, по сути, имеем дело с высказываниями, в которых они нашли свое словесное выражение. Иными словами, перед нами не их онтологическая сущность, а лишь их внешнее, формальное выражение. Здесь и коренится одна из причин отождествления рассматриваемых феноменов. Дело в том, что формально ценностные и когнитивные высказывания могут быть одинаковыми. Например, дескрипция, т. е. описание в форме повествовательного предложе-

ния, может быть как описанием значения некоторого объекта для субъекта (т. е. ценности), так и просто описанием объекта, выражающим знание о нем. На основании формального сходства ценностных и когнитивных суждений их относят к однопорядковым, и вместе с этим любая информация, содержащаяся в них, причисляется к разряду «знаний». Мы считаем, что ценности можно изучать как «объект», как факт субъективной действительности своей или другого человека, но полученное в результате такого познания «знание о ценностях» мы не вправе считать самими ценностями. Например, историк, реконструируя мотивы поведения того или иного исторического лица для их рационального объяснения, прибегает к выявлению его ценностей. Но это еще не значит, что познанные разумом исследователя ценности становятся его ценностями. Он может знать о ценностях той или иной культуры, но не ценить их, относиться к ним вполне равнодушно.

Дескриптивные высказывания, содержащие оценочные слова добро – зло, хороший – плохой и т. п., синтаксически идентичны описательным когнитивным суждениям. Это обстоятельство и делает возможной эпистемологическую редукцию ценностных феноменов духа.

С артикуляцией в дискурсе связана также и вторая причина этой редукции. Как отмечает автор фундаментального философского труда «Аксиология» А.А. Ивин, «отличительной особенностью наук о культуре является то, что почти все сколько-нибудь важные их принципы и заключения представляют собой двойственные, описательно-оценочные утверждения» [3, 46]. Такие утверждения соединяют в себе описание и оценку, выражают и то, что есть, и то, что быть должно. Эта двойственность порождается уже не синтаксической формой утверждения, а его функцией, выполняемой в том или ином контексте, двойным назначением употребления утверждения в каждом конкретном случае. В одних контекстах они функционируют как описания и являются либо истинными, либо ложными, в других – как оценки и предписания, не имеющие истинностного значения. Наиболее типичные примеры дескриптивно-прескриптивных высказываний являются определения понятий, научные законы и наиболее общие принципы научных теорий. Так, теории описывают и объясняют определенные сово-

купности фактов, и такое описание должно соответствовать объективным свойствам предмета. В этом случае теория выступает как знание. С другой стороны, устоявшиеся научные принципы и основополагающие положения теорий «всегда выступают стандартами оценки, как остальных утверждений научной теории, так и самих фактов. Научный закон говорит не только о том, что есть, но и том, что должно быть, если ход реальных событий соответствует описывающей их теории» [3, 200]. Таким образом, с помощью теории мы можем оценить как самую объективную реальность, так и элементы знания о ней в виде предположений и утверждений относительно той области, которую данная теория объясняет.

Еще более простой и, следовательно, незаметный способ сочетания знания и оценки в высказывании – это называние вещей и процессов, наделение их именами и дефинициями. Использование любого слова, имеющего общепринятое стандартное значение, может вводить в рассуждение неявную оценку. Всякое слово, обозначающее какой-либо объект, представляет собой понятие, образец – обобщенный образ предмета, под которым подразумевается то общее, что присуще объектам данного рода. Поэтому называние – это подведение встреченной вещи или явления под определенное понятие, представляющее им видовой образец, и, значит, оценка. С другой стороны, утверждение, присваивающее объекту некоторое название, выглядит как описание и может быть квалифицировано как знание. Например, можно составить описание деятельности купца и назвать ее торговлей, коммерцией или спекуляцией. Вместе с названием вводится тот или иной смысловой оттенок, влияющий на понимание явления, являющийся оценкой. От того, как назовешь это явление, оно сразу предстает либо почетным занятием, честным трудом, от которого зависит процветание народного хозяйства, либо низкой, презираемой всеми деятельностью.

Равным образом суть банковского дела – предоставление денег в долг – можно назвать либо респектабельным словом «кредитование», либо «ростовщичеством». Предоставление денег в долг под проценты понимается и расценивается либо как помощь нуждающимся, либо как социальный паразитизм. Эта разница в понимании зависит лишь от одного сло-

ва, входящего в описание, – от названия явления. Сравните:

«N занимался кредитованием».

«N занимался ростовщичеством».

Итак, мы видим, что смысл какого-либо явления меняется в зависимости от того, как это явление назовешь, т. е. к какой категории его причислишь. Воспринимаемые нами единичные объекты обретают смысл только через отнесение к общим категориям, имеющим конвенционально установленные значения. Такие конвенции не являются общепринятыми соглашениями, что вызывает научные споры относительно определения и «правильного понимания» наблюдаемых феноменов.

Восприятие выступает как чувственный способ категоризации действительности. Затем, уже на уровне ума, происходит сопоставление признаков объекта с эталонной системой категорий. В результате этого объекту дается то или иное название. Посредством называния в знание о предмете имплицитно вводится его оценка. Само содержание увиденного нами при наблюдении некоторого фрагмента действительности определяется той категориальной сеткой, через которую мы смотрим на объект. Известно, что человек может смотреть и не видеть, слушать, но не слышать, т. е. не замечать чего-либо в объекте. То, о чем он заранее не имеет никакого представления, зачастую оказывается в «слепом пятне» взгляда. В этом «слепом пятне» оказывается так же и то, что не представляет для смотрящего никакой ценности, и поэтому оно не вызывает интереса. Перцептивный, а также мысленный отбор содержания, наблюдаемого в объекте, зависит от ценностей исследователя, от того, что для него важно. Замечено, что желаемое и значимое в объекте воспринимается более отчетливо. «То, что мы видим, слышим, понимаем, определяется нашими пред-установками и нашим пред-знанием, конструктами нашего сознания» [4, 241], – замечает Е.Н. Князева в статье «Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии». Мы соглашаемся с этим утверждением и добавляем, что сами эти «конструкты», т. е. категории нашего мышления, в значительной степени определяются нашими ценностными установками. Сам процесс понимания неразрывно связан с ценностями и выражающими их оценками. Как считает А.А. Ивин, понимание «представляет собой подведение рассмат-

риваемого случая под некоторую ценность и что понять какое-либо явление – значит оценить это явление на основе имеющихся стандартов, образцов и т. п.» [3, 113]. Соглашаясь с тем, что эти образцы выступают основаниями оценки увиденного нами в объекте, отметим, что сами образцы есть продукты предшествующего познания аналогичных явлений. Они суть абстракции, обобщающие то типичное, что характерно для всех объектов данного рода. Они «говорят» о тех качествах, которыми должен обладать предмет, чтобы быть причисленным к данному классу явлений. Уточним, что образцы, т. е. понятия, являются именно знанием, а не ценностями. Понятия образуются в результате познания действительности, а не ее оценки. Но их последующее функционирование в познавательной деятельности имеет направление движения мысли, характерное для оценивания, когда исследуемая действительность сопоставляется с заранее имеющимся понятием, а не наоборот. Мы приходим к выводу о неразрывной взаимосвязи оценки и познания. Обе эти процедуры – необходимые составляющие процесса освоения мира субъектом, причем они дополняют друг друга. Для того чтобы что-то оценить, надо сначала познать его, т. е. как-то воспринять, узнать его свойства и качества, ибо невозможно дать оценку неизведанному явлению, которое не воздействовало на наши чувства и никак не представлено в нашем разуме. С другой стороны, воспринятое обязательно соотносится с имеющимися у нас эталонами, и, если оно соответствует им, мы заключаем, что «это есть то-то и то-то». Например, историк узнает из первоисточников о происшедшем в стране вооруженном восстании, свержении прежнего правительства и установлении новой формы правления. На основании этой информации историк оценивает ряд этих событий как совершившуюся революцию. Ясно, что общее представление о том, что такое революция, имелось у него заранее и он знал, какие признаки обязательно должны быть присущи совокупности событий, чтобы они могли быть квалифицированы как революция. Данные события могли быть названы мятежом, путчем или государственным переворотом, что означало бы придание им другого смысла из-за сопоставления с другой системой ценностей и гражданской позицией. Если историк имеет какое-либо иное

понятие о революции, включающее наличие каких-то иных характеристик, то он иногда вообще может не заметить в истории страны самого факта революции, как это было, например, в оценке событий 40-х годов XVII века в Англии, когда ряд историков (П. Лэслитт, А. Рутс и др.) отрицали то, что данные события «имели что-либо общее с тем, что в социологии (?) принято считать революцией» [5, 33].

Вообще, сам по себе конвенционализм, если он становится преобладающей в науке установкой познания, может приводить к произвольности трактовок изучаемых феноменов и подменять объективные знания субъективными оценками. Конвенционализм, усиленный когерентной трактовкой истины (понимающей истину как внутреннюю согласованность, непротиворечивость знаний), представляет собой опорный фундамент ценностного когнитивизма, сводящего ценности к знаниям и трактующего все проявления психики в категориях и терминах теории познания. Причем концепции, основанные на конвенционализме, слабо поддаются критике, ибо их «твердое ядро» (И. Лакатос), т. е. основные постулаты, порождены соглашением, принятым на веру, и не они сопоставляются с объективной действительностью, а наоборот – она с ними и если наблюдается какое-либо несоответствие действительности первичным постулатам, то их не отбрасывают, а изобретают дополнительные теории, подгоняющие «непослушную действительность» к жесткому ядру принятой изначально концепции. Подобным образом, ценностному когнитивизму служит широкая трактовка знания, которая «толкует знание столь расширительно, что под это понятие подпадают не только сенситивные и понятийные модели мира, но и переживания по поводу происходящего в мире» [2, 178-179]. Ответ на главный вопрос настоящего исследования («принадлежат ли ценности к разряду знаний?») зависит от того, что человек понимает под термином «знание». Так, например, А.А. Ивин считает, что «в самом общем смысле знать – значит иметь ясное, обоснованное представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть» [3, 4]. При этом он добавляет, что нужно «различать знание в узком смысле, всегда являющееся знанием истины, и знание в широком смысле, охватывающее не только истину, но и добро, и прекрасное» [3, 4]. На наш

взгляд, эта позиция представляет собой попытку возвыситься над непримиримостью контраргументов в дискуссии о том, являются ли ценности знанием или нет. А.А. Ивин причисляет ценности к знаниям, но поясняет, что это знание совершенно особого рода и к нему не применимы когнитивные характеристики истина/ложь. Спор снимается посредством простого соглашения о том, что понимать под словом «знание», и декларацией разделения знания на знание в узком смысле и знание в широком смысле слова. Затруднение состоит в том, что далеко не все готовы поддержать такое соглашение. Это подводит дискуссию к попыткам дать обоснованные определения понятиям «знание» и «ценность», т. е. к попыткам понять их суть и выразить ее в дефинициях. Сравнив полученные определения этих понятий, можно дать ответ на искомый вопрос.

Итак, на наш взгляд, можно знать о ценностях и ценить знания, но это не означает, что они таким образом превращаются друг в друга. Когда ценность – объект знания, то в этот момент она именно объект, а не значение объекта для субъекта. Рассматривать ценность можно равнодушно, как любой другой объект, и в этот момент никак не ценить ее, не испытывать к ней никакого чувства. Такое рассматривание не является ценностным отношением. С другой стороны, когда мы говорим, что знания – это наша ценность, то мы имеем в виду, что они – благо, носители ценности, но не сами отношения значимости для нас тех вещей, которые мы знаем. Знать и ценить – это различные проявления духовной жизни человека, имеющие разную природу и выполняющие разную функцию в нашей жизни. Направления движения мысли и чувства в познании и оценке противоположны. При познании наша мысль приводится в соответствие наблюдаемому объекту, а при оценке отмечается то, насколько объект соответствует нашим желаниям, ценностям и идеалам. Вместе с тем познание и оценка – это две необходимые составляющие общего процесса освоения мира человеком. Они дополняют друг друга и влияют друг на друга. Чтобы оценить что-либо, нужно вначале его познать. Но ищем и познаем мы добровольно только то, что имеет для нас какое-либо значение, ценность. Как правило, познаем мы для того, чтобы оценить познанный предмет и использовать его как носитель блага

для удовлетворения наших потребностей и желаний. Таким образом, познание – это предварительная, служебная процедура для последующей оценки объекта, для выявления его значимости для нас.

Ценность сама по себе не является ценностным высказыванием, но она проявляется в высказывании в виде оценки. Содержащуюся в тексте оценку часть мыслителей причисляют к знанию, часть – к некогнитивным феноменам психики, считая оценочное высказывание сентенцией, выражающей только эмоциональное отношение говорящего к тому, о чем он говорит. Оценочное высказывание не призвано описывать свойства объекта и не может быть признано ложным или истинным. На основании этого те, кто придерживается «узкой» трактовки зна-

ния, отрицают принадлежность ценностей к разряду знаний. Но в научном дискурсе подобных оценок практически нет, когда же они есть, научными они не считаются. Как правило, оценка вводится в дискурс незаметно и присутствует в нем имплицитно. Носителями оценки могут оказываться категории, понятия, используемые для называния объектов изучения. Носителями оценки могут быть также основные постулаты устоявшихся теорий, ибо они выступают не только как описания действительности, но и как основания для оценки и определения фактов.

Обобщая сказанное, можно заключить, что, несмотря на то, что ценности влияют на формирование наших знаний и имплицитно присутствуют в них в виде оценок, сами они знаниями не являются.

Список использованной литературы:

1. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. М.: РОССПЭН, 2007.
2. Максимов, Л.В. Когнитивный редукционизм в науках о духе / Когнитивный подход / Л.В. Максимов. М.: «Канон+», 2008.
3. Ивин, А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. М.: Высшая школа, 2006.
4. Князева, Е.Н. Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии / Когнитивный подход / Е.Н. Князева. М.: «Канон+», 2008.
5. Барг, М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М.А. Барг. М.: Мысль, 1991.